

«СОВЕТСКОЕ» И «АНТИСОВЕТСКОЕ» В САМОСОЗНАНИИ И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ НОНКОНФОРМИСТОВ 1960–70-Х ГОДОВ

Серебрякова Елена Геннадьевна

К. филол. н., доцент, Воронежский государственный университет

Serebrjakova@phipsy.vsu.ru

«SOVIET» AND «ANTI-SOVIET» IN THE SELF-CONSCIOUSNESS AND BEHAVIORAL PRACTICES OF NONCONFORMISTS OF THE 1960–70S

E. Serebryakova

Summary. The article explores the specifics of the «Soviet» component of self-consciousness of nonconformists of the 1960–70s. The material is the texts of the protective letters of the petition campaigns on the «deeds» of I. Brodsky, A. Sinyavsky and Yu. Daniel and the autobiography of V. Bukovsky «And the wind returns . . .». The author argues that in the consciousness of the «sixties» the concepts of «Russian» in the meaning of «cultural traditions of the intelligentsia of the 19th century» and «Soviet» were not opposed to each other. Self-identification and behavioral practice corresponded to Soviet normativity. In the understanding of human rights defenders, a negative interpretation of the concept of «Soviet» was established, but their identity was in line with the Soviet cultural and anthropological type, despite the anti-Soviet declarations.

Keywords: liberal Soviet intelligentsia, sixties, soviet man, nonconformism, petition campaigns.

Аннотация. В статье исследована специфика «советского» компонента самосознания нонконформистов 1960–70-х годов. Материалом выступают тексты защитных писем петиционных кампаний по «делам» И. Бродского, А. Синявского и Ю. Даниэля и автобиография В. Буковского «И возвращается ветер . . .». Автор утверждает, что в сознании «шестидесятников» понятия «русское» в значении «культурные традиции интеллигенции XIX века» и «советское» не противопоставлялись друг другу. Самоидентификация и поведенческая практика соответствовала советской нормативности. В понимании правозащитников утвердилось негативное толкование понятия «советское», но их идентичность соответствовала советскому культурно-антропологическому типу, несмотря на антисоветские декларации.

Ключевые слова: либеральная советская интеллигенция, «шестидесятники», советский человек, нонконформизм, петиционные кампании.

В современных гуманитарных науках ведется интенсивное изучение культурно-антропологического типа советского человека. Подходы к феномену определяются в соответствии с характером исследовательских задач. Ю. Левада, применив социологические методы, выявил ценностно-мировоззренческие основания личности. «Родовыми» свойствами советского человека названы изоляционалистская позиция, порождающая представление о культурной и цивилизационной уникальности страны Советов и себя как ее представителя, государственно-патерналистская ориентация, иерархичность миропорядка, наднациональная идентичность [8]. Как видим, культурно-антропологический тип, по мнению ученого, детерминирован характером отношений государства и общества.

Сторонники концепции «советской субъективности» (Й. Хелльбек, И. Халфин, Дж. Фюст, О. В. Хархордин и др.) подходят к феномену советского человека через анализ языковых практик власти, которые, по мнению исследователей, массово усваивались советскими людьми и определяли их способы созидания собственной личности и типы самооценок. Советские люди, по мнению Дж. Фюст, являлись узниками не государственного контроля, а языка [11]. Таким образом, антропологический тип личности признается не только детерминированным государственным строем, но и неотличимым от сформировавшей его политической системы.

При разнообразии подходов представленные концепции имеют общее свойство: для анализа выбран мас-

совый человек, представляющий от лица всего народонаселения. Это создает впечатление гомогенности советского общества, лишает советский тип личности вариативности.

Анализ самосознания советских нонконформистов способен дополнить представление о типологии советского человека и системе определяющих ее детерминант. Материалом работы послужили защитные письма «шестидесятников» в петиционных кампаниях по делам И. Бродского, А. Синявского и Ю. Даниэля и автобиография В. Буковского.

Поколение, именовавшее себя «шестидесятниками», названием указало аксиологический и поведенческий ориентир — разночинную интеллигенцию XIX века. Показательно, что, возникнув в официальном дискурсе (первые понятие прозвучало в очерке Р. Зерновой «По праву друга» в журнале «Юность» в 1955 г.), для либеральной интеллигенции оно означало ценностно-нормативную преемственность с поколением Н. А. Некрасова, Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского. Значимость сохранили мировоззренческие принципы: духовные ценности выше материальных, житейская прагматика вторична в сравнении с нравственными заповедями, долг перед страной и народом обязывает бороться с социальными пороками. Антропоцентризм согласовывался с ориентацией на высокие идеалы, неразрывно связывался с гуманистическими целями — защитой слабых и угнетённых перед «сильными мира сего», просвещением народных масс, общественной деятельностью во имя исторического и научного прогресса. Важнейшим качеством для самоопределения «шестидесятников» XIX и XX веков признавалась духовная свобода — независимость суждений и критицизм мысли.

Аксиология диктовала модель профессионального и социального поведения, предполагающую деятельное служение народу и стране. В. Лакшин так определял позицию редакции журнала «Новый мир»: «Нам <...> не нравился казенно-бюрократический социализм, мы защищали человеческую правду против формальной, мы приходили в содрогание от ужасов сталинского лагеря и протестовали, где могли, против изощренных форм общественного лицемерия. Но мы верили в социализм, как в благородную идею справедливости, в социализм с человеческим нутром, а не лицом только. Для нас неоспоримы были демократические права личности. Мы искали опору своему чувству и убеждению в народе — и, боясь истасканности и фальшивой декламационности этого понятия, всегда дорожили чувством общего с трудовыми людьми» [6, с. 171]. Позиция критика отражает аксиологию поколения. Как видим, «советский» компонент самосознания идентифицируется Лакшиным как логичное продолжение традиций русской и европей-

ской интеллигенции — гуманизма, антропоцентризма, эмансипации личности. «Советское» и «русское» не противопоставляются, а дополняют друг друга.

В полной мере аксиология поколения реализовала себя в защите И. Бродского, А. Синявского и Ю. Даниэля от юридического преследования. Разделенные двумя годами (суд над поэтом пришелся на 1964 г, над писателями на 1966-ой), процессы имели «литературный характер»: литераторы должны были держать ответ за «неправильное» поведение: Бродский за асоциальную позицию — тунеядство, Синявский и Даниэль — за зарубежную публикацию художественных произведений. Защита литераторов сплотила прежде всего творческую и гуманитарную интеллигенцию. Писатели-нонконформисты восприняли случившееся как дело глубоко личное, связав воедино «чистки» в Союзах писателей сталинской поры, травлю Б. Пастернака и суд над И. Бродским, который был оценен как возвращение худших методов судопроизводства. Показательно, что «тяжеловесы» А. Твардовский, К. Чуковский и С. Маршак не были лично знакомы с молодым ленинградским поэтом. Ими двигала солидарность с терпящим бедствие человеком. Привлечение Г. Белля, Ж.-П. Сартра, Л. Арагона виделось защитникам мерой дополнительной. За писателями закрепились репутация друзей Советского Союза и их вмешательство во внутренние дела не могли быть расценены как антисоветская акция. Избирательное обращение к зарубежной общественности, кроме того, объяснялось глубокой убежденностью либеральной интеллигенции в необходимости, осознав ответственность за происходящее в стране, самостоятельно преодолевать сложный путь высвобождения от сталинского наследия.

Второй процесс осмысливался защитниками более драматично: в отличие от административного суда над Бродским, располагавшим в качестве наказания такой мерой, как ссылка осужденному, процесс над писателями носил уголовный характер и был чреват реальным заключением в лагере. Это требовало солидарности защитных акций и активного противодействия обвинителям писателей, к какому бы лагерю они ни принадлежали — властным структурам или художественным союзам.

Петиции в адрес правительства (от низших инстанций к высшим) виделись «шестидесятникам» действенной мерой защиты. По наблюдению Ш. Фицпатрик, рядовые граждане, как и представители власти, воспринимали эпистолярные обращения к руководителям страны как «демократическую практику, сближающую граждан со своим правительством» [10, р. 177]. Действительно, риторические приемы, использованные адресантами в обеих петиционных кампаниях, свидетельствуют, что в самосознании авторов не было антисоветских устремлений. Их эпистолярное поведение полностью соответ-

ствовало советской нормативности. Риторика писем выдержана в категориях этикета. В них нет категоричных формулировок, содержатся лишь просьбы вникнуть в мотивы поведения литераторов, призывы не допустить судебной ошибки и предложения пересмотреть результаты суда (в случае Бродского), освободить обвиняемых от уголовного преследования или отдать на поруки коллегам из Союза писателей (в «деле Синявского и Даниэля»).

Для этих целей выдвигались этические аргументы, обвиняемые получали комплиментарную характеристику: «Иосиф Бродский — талантливый поэт, умелый и трудолюбивый переводчик. <...> Мы просим Суд <...> учесть наше мнение о несомненной литературной одаренности этого молодого человека» (из телеграммы К. Чуковского и С. Маршака в народный суд Дзержинского района г. Ленинграда) [9, с. 598]. «Юлий Даниэль — человек честный, искренний, свободно мыслящий, душевно щедрый. Он бескорыстен, принципиален, достоин того звания, которое носил во время войны — звание солдата победившей фашизм страны. Даниэль всегда любил свою родину, свой народ. Будучи при этом убежденным интернационалистом, он всегда считал, что любить свою родину — это значит, прежде всего, не закрывать глаза на творящееся в ней зло, а наоборот — активно бороться со злом» (из письма А. Якобсона в Московский городской суд) [2, с. 148]. Очевидно, что адресат и автор существуют в одном аксиологическом поле. Доказывая, что в действиях арестованных нет антисоветского умысла, «шестидесятники» демонстрировали мировоззренческое единство с руководителями страны. Оппозиционность не входила в задачу интеллигенции, поднявшейся на защиту обвиненных. Коллективный автор писем правительству ждал от власти логики и последовательности в движении к «истинному социализму», ослабления репрессивной политики, в частности в отношении людей творческого труда.

Из собрания защитных писем, собранных А. Гинзбургом в «Белой книге о деле Синявского и Даниэля», оппозиционностью авторской позиции выделяется «Письмо старому другу» В. Шаламова. Оно было приведено в сборнике без подписи и послужило поводом для обвинения А. Гинзбурга в антисоветском характере составленной им книги. Шаламов категоричен в своих заявлениях: процесс над писателями осмыслен как продолжение духовного и физического террора сталинской поры. Образцовое литературное поведение, по его мнению, предполагает сопротивление системе, враждебной таланту, творчеству и человеческой личности. А. Синявский и Ю. Даниэль на суде не признали себя виновными в антисоветской агитации и пропаганде, а значит, не отреклись от принципов свободы совести и творчества. Писатель-герой и борец — такую нормативность предложил В. Шаламов в своём письме. Адресат письма

значим для понимания его семантики. Бывший зэк В. Шаламов не видел смысла объясняться с государством, а говорил с другом, прошедшим, как и он, сталинские лагеря и не нуждавшимся в недомолвках. В сборнике ясно прозвучал голос оппозиционера, убежденного в порочности самой системы.

При этом позиция автора не сводится к «антисоветскости». В тревоге за будущность страны, предупреждении современникам о сползании власти к сталинским методам управления культурой ощущается не только личный травматичный опыт Шаламова, но и типичное для «шестидесятников» восприятие истории. Поступательное историческое развитие способно давать сбои, регресс, как недавнее сталинское тридцатилетие, происходит не стихийно. Его возникновение имеет причинно-следственную связь: консервативные силы в правительстве и молчаливый, покорный народ. Вывод, логично следующий из этого силлогизма, был очевиден: каждый честный гражданин обязан подняться на действенное сопротивление общественной ресталинизации. Этого требует ответственность перед будущими поколениями. В этой позиции легко узнать трансформированную марксизмом рационалистическую парадигму. Нравственный долг писателя осмысливался Шаламовым, как и другими «шестидесятниками», в философских традициях Нового времени как культуротворческая миссия — содействие прогрессу, пробуждение сознания современников.

Для драматичного восприятия времени у «шестидесятников» были основания. С приходом к власти в 1964 году Л. И. Брежнева в стране началась частичная реабилитация Сталина, которая, как считает современный историк, была попыткой умиротворить «потенциальную простонародную оппозицию» [5, с. 103]. В стране нарастали охранительные тенденции. Организации, осуществлявшие руководство культурой — ЦК КПСС, КГБ при Совете министров СССР и Главное управление по охране государственных тайн в печати при СМ СССР (Главлит) — утвердились в классификации критических текстов, особенно возникавших в самиздате, как идеологических диверсий. И хотя в системе юридического воздействия предпочтение было отдано не судебному преследованию, а профилактике «антисоветчиков», усиливались репрессивные механизмы управления культурой. Ужесточение курса выразилось в создании в 1967 г. Пятого управления КГБ, специализировавшегося на борьбе с идеологическими диверсиями, и повышении совместно с Главлитом роли Комитета госбезопасности в определении стратегии развития культуры. Власть не желала расширять поле свободы творчества, как совсем недавно рассчитывали «шестидесятники», а стремилась более грамотно и эффективно наладить контроль за ее деятельностью. В стратегию власти входило усиление карательных мер в отношении инакомыслия.

Способы сохранения духовной автономии в этих условиях избирались «шестидесятниками» в соответствии с личностной аксиологией. Один из вариантов предполагал смену пространства творческой самореализации с официальной печати в сам- и тамиздат. В социальной практике это означало неизбежный дрейф в сторону маргинальности. Любопытное наблюдение сделал в 1969 году К. Проффер. Познакомившись в Ленинграде с И. Бродским и его друзьями, он был поражен демонстративной «антисоветскостью» их поведения: в комнате поэта висели плакаты на английском языке, один из которых гласил: «Я враг государства». Московский приятель поэта, рассуждая о войне во Вьетнаме, заявлял, что глупо не уничтожить коммунизм везде, где только можно. И все вместе поносили советскую власть, словно работали на радиостанции «Свобода» [7, сс. 200, 210]. Будущий создатель издательства «Ардис» тогда ясно ощутил театральность и нарочитость поведения своих советских знакомых. Молодые люди стремились наглядно продемонстрировать американцу жизненный принцип, сформулированный А. Амальриком «свободные люди в несвободной стране» [1, с. 13].

Позиция неконформистов, избравших легальную защиту прав личности, классифицировалась властью как антисоветская. Правозащитники руководствовались в социальной практике несколькими принципами: закон имеет универсальный характер, адресован и государству, и гражданам. Соответственно, государство обязано не только формулировать законы для населения, но и само выполнять предписанные нормы. Закон определяет не только обязанности, но и права сторон — гражданина и государства, вступающих в договорные отношения. Следовательно, если государство не выполняет собственных законов, граждане имеют право требовать их соблюдения. Защита человеком своих гражданских прав не противоречит закону, убеждения не наказуемы, инакомыслие не является преступлением.

В этих умпостроениях изначально не было радикальной позиции в отношении власти. Цель была — изменить характер взаимоотношений государства и общества, оппозиционность неконформистов нарастала по мере усиления репрессий в адрес инакомыслящих.

Автобиография В. Буковского «И возвращается ветер...» представляет нигилистическую трактовку советской социальной истории. «Антисоветскость» декларирована в тексте ясно и недвусмысленно: представляя панораму советской действительности, автор убеждает читателя в нежизнеспособности системы. Всё прогнило в советском государстве: партноменклатура боится реформ; художественная жизнь стеснена цензурой, КГБ контролирует все сферы жизни и т.д. Государственная

машина дает сбой, но остается верна своей репрессивной сущности. Реформирование строя бессмысленно.

Для адекватного прочтения текста Буковского необходимо учитывать референтную группу, которой предназначалась авторская версия советской реальности. Книга писалась в Англии, куда Буковский попал в результате обмена на лидера чилийских коммунистов Л. Корвалана. Оказавшись за границей, Буковский столкнулся с необходимостью социализироваться в новом пространстве. Автобиография, представлявшая героизированную версию судьбы диссидента, давала для этого хорошие стартовые позиции. Буковский признавался, что издательство ограничило его сроком в 4 месяца [4, с. 215–216.]. Требование заказчика было продиктовано, вероятно, необходимостью удовлетворить интерес читателя к персоне, недавно прибывшей на Запад в статусе лидера антикоммунистов. Задача издательства совпадала с внутренней мотивацией автора. Концепция книги определялась запросом потребителя.

Демонстрируемая в тексте идентичность «антисоветчик» полностью согласовывалась с самоидентификацией Буковского, однако нуждается в комментариях.

В трактовке советской власти как тоталитарной, враждебной личности и народу, исторически обреченной и морально обесцененной, узнаются базовые позиции неконформистского мировосприятия, каким оно сложилось в середине 1960–70-е годы. Однако способ самооценки, предложенный автором, соответствует героико-революционной традиции толкования освободительного движения в России, свойственной марксистской историографии. Автор идентифицирует себя исторически и политически сознательным субъектом; осознанно и добровольно участвующим в пересоздании общества и истории. Ни многократные заключения в тюрьму, лагерь или психиатрическую больницу, ни депортация за рубеж не способны сломить борца с тиранией, убежденного в неизбежной гибели тоталитарной власти. Именно так осмысливала роль прогрессивной личности в истории советская наука. Как видим, Буковский демонстрирует антисоветскую позицию с помощью риторических приемов советского дискурса.

Таким образом, идентичность советских неконформистов можно охарактеризовать как советскую по культурно-антропологическому типу. Оппозиционные заявления и антисоветская риторика правозащитников не меняла ее сущности. Однако «советскость» либеральной интеллигенции базировалась не только на идеологических основаниях, но и на культурных традициях русской и европейской интеллигенции Нового времени, усвоенной в трансформированном варианте марксизмом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амальрик А. А. Записки диссидента. — Анн Арбор: Ардис, 1982. — 361 с.
2. Белая книга о деле Синявского и Даниэля / сост. А. Гинзбург. Москва, 1966. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1967. — 430 с.
3. Буковский В. К. И возвращается ветер... / В. К. Буковский. — Санкт-Петербург: Захаров, 2007. — 339 с.
4. Буковский В. К. Париж стал скучным... // Поэтка. Книга о памяти: Наталья Горбаневская. М.: АСТ, 2014. К. Париж стал скучным... // Поэтка. Книга о памяти: Наталья Горбаневская. — Москва: АСТ, 2014. — С. 215–217.
5. Козлов В. А. Крамола: инакомыслие в СССР при Хрущёве и Брежнев. 1953–1982 годы. По рассекреченным документам Верховного Суда и Прокуратуры СССР // Отечественная история. — 2003. — № 4. — С. 93–111.
6. Лакшин В. Я. Солженицын, Твардовский и «Новый мир» // Лакшин В. Я. Солженицын и колесо истории. — Москва: Издательский дом Вече, АЗЪ (Знатков), 2008. — С. 124–188.
7. Проффер К. Заметки к воспоминаниям об Иосифе Бродском // Проффер К. Без купюр. — Москва: Изд-во АСТ: CORPUS, 2017. — С. 193–283.
8. Свой путь: статья Юрия Левады о феномене «советского человека» — URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/14608-svoy-put-statya-yuriya-levady-o-fenomene-sovetskogo-cheloveka> (дата обращения 10.08.2019)
9. Чуковский К. И. Дневник. 1901–1969: в 2 т. Москва: ОЛМА-ПРЕСС Звёздный мир, 2003. — Т. 2. — 671 с.
10. Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. — New York, Oxford: Oxford University Press, 1999. — 276 p.
11. Fürst J. Stalin's Last Generation: Youth, State and Komsomol 1945–1953. — London, 2003. — 275 p.

© Серебрякова Елена Геннадьевна (Serebrjakova@phipsy.vsu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Воронежский государственный университет